

Татьяна Игнатьева

Письма улетевшего года

СТИХИ

Татьяна Игнатьева

Письма улетевшего года. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57109658

ISBN 9785005117243

Аннотация

Сборник лирических и философских стихов Татьяны Игнатьевой, написанный за период 2016—2020 гг. Что видит поэт, что чувствует, о чём размышляет – всё глубоко сокровенное преподносится на суд читателя с доверием и благодарностью. Основу издания составили произведения, опубликованные на портале Стихи Ру.

Содержание

Многоликий день	5
«Она всё же звучит – неизбывная музыка сфер...»	7
На пятой майской	9
«За словом слово – тянет цепь...»	10
«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!..»	12
Гештальт	14
«Мой августейший месяц...»	15
Домашним мается рассудок	17
Весна	18
«И опять поднебесье иных городов...»	20
«Горсть слезинок упавшего ночью дождя...»	21
«Вот и дождь прошумел, поднимаются травы...»	23
«Это сон, что вокруг происходит – обычный сон...»	24
«Час осени прокаркала ворона...»	25
Предзимье	26
«Что ест на завтрак королева? Что носит пеночка в гнездо?...»	27
«Ноябрь выспаться не смеет...»	28
«Намыл нам кот гостей – зима пришла...»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Письма улетевшего года

Стихи

Татьяна Игнатьева

© Татьяна Игнатьева, 2020

ISBN 978-5-0051-1724-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Многоликий день

Как многотруден многоликий день!
Вскипает страстью каждое мгновенье,
И бесконечным душем – вдохновенье,
Что перельётся вечером в мигрень.

Ах, да – мигрень Онегина грызёт.
А нам – всё изощрённее и злее,
Трагичнее, коварнее, больнее.
Ведь в каждом – всею кровью – «наше всё».

Живёт, творит, купается в любви,
Страдает, негодует и смеётся.
Изящным мастерством канатоходца
Он наповал сражает визави.

И, усмиряя сердца непокой,
Вдруг замирает сфинксом африканским.
Толчками кровь напололам с шампанским
Отнюдь не предвещает упокой.

Ведь вот опять скакать под хлёткий снег
И призывать бесчестие к ответу.
Последний вызов – это вызов свету.
И призван день, и призван целый век!

...Уж дядька преподнёс с малиной квас,
Прилежно ждут перо, листы бумаги,
Точёный профиль из чернильной влаги
И свежий ветер севера анфас.

Как будто не было бурлящих лет,
Вечерний час – не утренняя нега.
А у барьера холодно Онегин
Наводит прямо в душу пистолет.

«Она всё же звучит – неизбывная музыка сфер...»

Она всё же звучит – неизбывная музыка сфер,
Над тобой и в тебе, в каждой клеточке, в каждом
мгновении.

И горит этот трек, не взирая на сон, или бденье,
И взрывает мембрану души – непростой волномер.

Значит, лире звенеть, и лететь серенаде, и быть
Безусловной любви, когда кружатся белые платя.
Но один муравей всё куда-то спешит от собратьев,
Будто он лишь один выражает вселенскую прить.

Звёздный ветер бушует настойчивей, ближе, свежей.
А Земля отзывается тёплым и ласковым смехом.
Вот тогда Пифагор замолкает и слушает эхо...
И ползёт муравей до седьмых неземных этажей.

И – ни хлеба для тела, ни душам прибежища вер,
Весь багаж ни к чему, ты его ни на что не сменяешь.
Прямо здесь и сейчас ты коснись солнце-ветренных
клавиш,
И она зазвучит – неизбывная музыка сфер.

На пятой майской

Весенний сон принёс с собой печаль,
Как будто бы заботу на плечах.
Но, кажется, плечом лишь поведи,
И скинуты сонливые дожди.
Не тут-то было, экая напасть,
Не превозмочь дремоты липкой власть.
Застыло всё в весеннем неглиже
На зыбком неприкрытом рубеже.
Так в кои лета светит лету срок,
А лето не попало на зубок.
Земля в потугах – будет рождено
Вот-вот оно! Уже вот-вот ведь! Но...
И мир застыл, как будто на холсте,
На пятой майской вздыбленной версте.

«За словом слово – тянет цепь...»

За словом слово – тянет цепь
Идей в намеченную цель.
И мысли – цепкие крюки
Слова срывают со строки,
Как репу с грядки, как нарыв,
Свою изнанку обнажив.

Где гнев и боль
на копьях фраз —
.....там света ноль
.....и застит глаз.

Где сложно —
.....ложно
.....и темно,

Где страх —
.....там крах,
.....но все равно —

Слетая с ломаной строки,
Мчат в жизни ад мои стихи.

.....

Но там, где льётся ручейком
Повествованье в сердца дом —
Там нежной лаской и теплом
И человеческий дом – гнездом
Как-будто свитый из украс

Любовью напоённых фраз.
Стихи, неся приятный груз,
Мчат в рай мирской на крыльях Муз.

«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!..»

*«...От боли и волнения сердце сжалось.
Мгновенье коротко, какая жалость!
Последний луч, последний всплеск тепла.»
Людмила Спесивцева*

«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»
От боли и волнения в сердце дрожь.
Но жизнь без тормозов летит, так что ж —
Неужто все стенания напрасны!
Напрасны... что посеешь – то пожнёшь.

Вот в сердце радость с самого утра
Вдруг разлилась могучею рекою —
И всё вокруг сияет под рукою,
И солнце, и цветок, и гладь ковра.
Как наша жизнь поистине мудра!

Но вот в душе трепещет гнева клоч.
И сразу меркнет, ёжится пространство,
Природы неприглядное убранство
Нам не принять, любой глоток не в прок.
Ах, если б осознать, что то – урок!

А жизнь, что море – катит за волной
Волну очередную к нам на берег.
И нам не нужно открывать америк,
Ты просто будь, как эта жизнь – собой,
Тогда не страшен никакой прибой!

Гештальт

Дай мне силы остаться у сердца живого огня.
И запомнить, хоть вкратце, все жизни тебя и меня,
И заполнить утраты, и море потерь осушить.
Дай мне счастье оплаты, когда невозможно не жить.

Всколыхни, растревожив придуманный нами же сон,
Мутных страхов не множив, уверенно выплесни вон.
Дай мне силы остаться одной на крутом берегу,
И хоть раз не касаться того, что как жизнь берегу.

«Мой августейший месяц...»

...Январю

Мой августейший месяц,
что нынче мне припас?
На окнах вновь развеса
зимы иконостас,

засыпь дорожки прахом
пуховых облаков,
промчи единым махом
пургой да будь таков!

Но ты вздыхаешь, ленный,
и крылья не поднять.
Смурной, как будто пленный
прибитый миром тать.

Порой совсем бесснежный,
порой – хоть утопай
во мгле дождя безбрежной
под злой вороний грай.

А я сижусь со свечкой,
чего-то ворожу,

замерзшею овечкой,
прилипшей к миражу.

А в сердце ветер воев,
и снег метёт, метёт...
Легко, по вышней воле
вступает новый год.

Конечно, будет вьюга,
куда же без неё —
чтоб вымести недуга
подгнившее жнивье.

Взлететь бы, но не комом
в потугах и поту —
снежинкой невесомой,
растаяв на лету.

Домашним мается рассудок

Не разбираясь в мировых
проблемах – есть ли таковые —
кормлю запечных домовых,
что стерегут как часовые

часов неспешную ходьбу,
минут шажки, секунд подскоки.
А в поле молятся столбу
безбожно зимние сороки.

И бьют ветра в колокола,
плывёт над лесом литургия,
и распалилась добела
январско-снежная стихия.

Мне эти дебри не видны,
домашним мается рассудок —
хватило б только до весны
запечным – слёзок незабудок.

Весна

Как ни вздыхал февраль, ни ныл, но всё же
Он отступил во след чумной зиме.
Колдует март холодный, но не строже
Предшественника в снежной кутерьме.

И там вдали у ленты горизонта
Уже парами кружится апрель.
А дальше – больше – внутреннему фронту
Трубит отбой пичужная свирель.

Хотя, оно – не трубы, не фанфары,
Но всё ж душа сдаётся и во фронт
Встают давно забытые гитары,
И изумрудом полыхает грунт.

Давно дремавшей юности свобода
И красота, и силы, и мечты
Вдруг всколыхнёт цветущая природа,
И вновь тернистый мир полюбишь ты.

Одной Земли окажется так мало,
И не удержит сумеречный страх —
Ты полетишь как женщина Шагала
В пронзительно-лиловых небесах.

«И опять поднебесье иных городов...»

И опять поднебесье иных городов,
Отражённых в мельканье машинных зеркал,
Будет верить в незыблемость рухнувших скал,
И рассветом гореть в хороводе ветров.

И опять в лабиринте дорог и углов
Тусклых улиц заблудится, плача, весна.
И дворовых колодцев добравшись до дна,
Распластается в лужах предутренних снов.

И миры зазеркалья надменных витрин
Разольют, расплескают забытый вчера,
А сегодня живой от утра до утра
Не рождённый, не умерший аквамарин.

Метрономом сердец донный мир всколыхнёт.
И прорвётся, польётся на волю поток
Жарких мыслей и чувств, ожидающих срок,
Когда вызреет свет и растопится лёд.

«Горсть слезинок упавшего ночью дождя...»

Горсть слезинок упавшего ночью дождя,
И откуда невесть прилетевший листок...
Это длится бессрочно века и века.
Но всё мнится – растает, чуть-чуть погода,
В зыбкий миг перехода истока в исток.

На сырой, по-осеннему жухлой траве
Остаётся никем не прочитанный след —
Убегающей жизни былая строка.
А вдгонку, как будто на откуп молве,
Ветер кинул так щедро пригоршню монет.

И осенних монеток берёзовых звон
Покатился по чашам поющих сердец.
Что же песня моя вдруг пошла с молотка?
Бродит каином ложь в листопадный сезон.
И не прав ни купец, ни глупец, ни мудрец.

А листок, пролетевший сквозь снег и капель,
Сохранил по цветущему саду тоску.
Словно, памятью строк переполнясь, рука
Обращается впредь, презирая скудель,
К неземному, неведомому языку.

«Вот и дождь прошумел, поднимаются травы...»

Вот и дождь прошумел, поднимаются травы.
Отдохнув, принимается петь соловей.
Разливаются рощами птичьи октавы,
Нежит золото вечера главы церквей.

И молитвами песни над тихой рекою,
Что несёт на просторы волна-бирюза.
От рожденья до смерти навеки с тобою
Богородицы светом нетленным глаза.

Словно мамы глаза, где любви отраженье,
И живёт тишина на душе и вовне...
След дождя – невесомое капель скольженье,
И дрожит мотылёк нараспашку в окне.

«Это сон, что вокруг происходит – обычный сон...»

Это сон, что вокруг происходит – обычный сон.
И ночной, и дневной, и вечерний – всегдашний, в общем.
Поначалу роптало сердце, теперь не ропщет,
Лишь покорно свой ход приглушает ещё на тон.

А я просто смотрю – это Я, что вдыхает жизнь
В каждый явленный миг, разгоняя его до вихря.
Вихрь в сердце стучится, вызывая – проснись, трусиха!
Но вызывает без злости, без спешки, без укоризн.

Закипая, вдруг рвётся сердце и в ширь, и ввысь,
И куда-то за край, хотя нет никакого края.
А я просто смотрю, улыбаясь и разрешая:
Если нужен нам новый мир – так давай, взорвись!

«Час осени прокаркала ворона...»

Час осени прокаркала ворона,
Померкла позолота дальних крыш.
У клёна от дождей поникла крона,
Лишь только умиляется спорыш.

Но скоро-скоро всё засыплет медью,
Заволочёт туманной кисеёй.
И будет ветер долгую обедню
Служить над засыхающей стернёй.

И будут ввечеру трещать поленья,
И кошка греть бока у очага.
И будет сердце ждать Богоявления,
И вышлет снежных ангелов Сварга.

Предзимье

Нелепый гастролёр – осенний дождик.
Он так завис в безвременьи седом,
Как бестолково суетный задолжник,
Страдающий безвоьем и стыдом.

Липучий снег сместит его по праву
Всех здравых предписаний бытия,
Прилаживая ветхую оправу
К картине постосеннего гнилья.

А заморозки, довершая дело,
В порыве отшлифованных мазков
Шедевр подпишут веско и умело.
И первый хоровод снеговиков

Отпляшет на белёсой вечеринке.
А небо, расчехляя решето,
Просеет свои лёгкие снежинки,
Пространство заполняя от и до.

«Что ест на завтрак королева? Что носит пеночка в гнездо?..»

Что ест на завтрак королева? Что носит пеночка в гнездо?
Заветное линияет древо, сносив осеннее бордо.
Весна ещё когда пребудет! Успеет пеночка понять —
Порой на королевском блюде не всё слагается «на пять».
Но будет день – и будет пища, родное вымостив гнездо.
Пусть не на пять и не на тыщу – аббревиация на СТО.
Не указуя рецептуры, изыск подскочит до вершин.
Не факт, что королевы дуры, но пеночки above the Queen.

«Ноябрь выпататься не смеет...»

Ноябрь выпататься не смеет,
И день, и ночь настороже.
Зелёный редкий ряд скамеек
Царит в аллеинем неглиже.

А на дорожках сыро, льдисто,
Лишь редкий лист шепнёт у ног,
Что, мол, его собратья-листья
Уже повымелись с дорог.

Пора окрест стелить снегами,
Встречать метельную зарю,
Снежинок легких оригами
Слагать в угоду декабрю.

А после грезить на вечёрках
В холодно-белой новизне
О январе в весёлых ёлках
И о заоблачной весне.

Ну, а пока – ноябрь катит
По взлётной полосе зимы.
И словно мученик фанатик,
Алкает радости взаимы.

«Намыл нам кот гостей – зима пришла...»

Намыл нам кот гостей – зима пришла
И разлеглась хозяйкой безраздельной
В лесных просторах вотчины удельной
На пуховых перинах без чехла.

Без всяческих претензий и затей,
Тут как захочешь сам – гуляй, ленись ли.
Над белым полотном огнём нависли
Узорочья рябиновых кистей.

И нет конца летающим снегам,
Ветрам на посеребренных просторах.
На лад идут дела морозов спорых,
Хоть им и не пробраться к очагам.

Сомкнув тепло в уюта пелену,
Дома в сугробах дремлют белобоко
И будто бы вздыхают ненароком —
Намой нам, котик раннюю весну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.